

УДК 821.351.12

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ АВАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

А. М. Абдусаламов

Институт языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Становление аварской художественной прозы происходило как на основе достижений национальной словесной культуры, так и опыта русской классической литературы. На примере попыток использования художественного опыта таких произведений русской классической литературы, как «Мертвые души», «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, аварским писателем Р. Динмагомаевым в статье рассматриваются вопросы создания первых произведений аварской художественной прозы.

The emergence of Avar narrative literature was based on the achievements of vernacular verbal (literary) culture, as well as on the experience of Russian classical literature. The article discusses the questions of emergence of the first pieces of Avar belletristic prose, basing on the example of use of the belletristic experience Russian classical literature (such pieces as “Dead Souls” and “Taras Bulba” by N.V. Gogol) by Avar writer R. Dinmagomaev.

Ключевые слова: становление аварской художественной прозы; русская классическая проза; поэма «Мертвые души»; повесть «Тарас Бульба»; аварский писатель Р. Динмагомаев; повесть «Кровь за кровь»; повесть «Отступник».

Keywords: emergence of Avar prose; Russian classical prose; narrative poetry “Dead Souls”; story “Taras Bulba”; Avar writer R. Dinmagomaev; story “Blood for blood”; story “Apostate”.

В творчестве Р. Динмагомаева – зачинателя аварской художественной прозы – достаточно наглядно прослеживается влияние русской классики, в частности творчества Н.В. Гоголя. Уже в повести Р. Динмагомаева «Кровь за кровь» (1929), являющемся одним из первых опубликованных прозаических произведений аварской художественной прозы, можно усмотреть некоторые сходства с поэмой «Мертвые души». Как представляется, персонажи Абакар и Лабазан могли быть навеяны началом поэмы «Мертвые души», где описывается приезд героя в губернский город NN: «Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русских, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем сидевшему в нем. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если бы случилось, в Москву или не доедет?» «– Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» «– В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился» [1].

Персонажи не «расшифрованы» и не привлекают к себе внимания в последующем, и, следовательно, могут быть названы явлением декоративным.

«Кровь за кровь» Р. Динмагомаева также начинается с небольшого эпизода, в котором фигурируют два крестьянина, вступающих в беседу между собой, притом ни сама сцена, ни ее участники не имеют прямого отношения к событиям, описываемым в повести. Однако сцены бесед Абакара и Лабазана становятся элементом структуры произведения и несут значимую идейно-художественную нагрузку, поскольку повесть завершается также аналогичной сценой, в которой Абакар и Лабазан вновь встречаются на сельском годекане и беседуют о семье Махмуда. Теперь они рассказывают друг другу о тяжелом положении, в котором оказались женщины из семьи Махмуда после гибели главы семьи и сыновей, вспоминают, как в недавнем прошлом завидовали благополучию и счастьем этой семьи, и т.д. Таким образом, сцены встреч и бесед Абакара и Лабазана становятся самостоятельным элементом произведения, выполняющим определенную роль в художественной системе произведения. Так, именно из первой беседы Абакара и Лабазана читатель узнает немало интересного об односельчанине Махмуде и его семье, об их способностях и талантливости, традиционности семейных ценностей, социальном и имущественном положении и т.д. Абакар и Лабазан вместе с тем остаются вне событий, описываемых в произведении.

Поэма «Мертвые души» Н.В. Гоголя представляет собой масштабное художественное полотно, которое охватывает множество эпизодов, сцен, персонажей, характеризующих многообразие и богатство современной писателю русской действительности. Это рассказ о персонаже, который за фасадом благообразия и значимости занят обыкновенным мошенничеством –

покупкой «мертвых душ», т.е. документов на умерших, смерть которых должным образом не оформлена, с тем, чтобы в последующем заложить их как живых в опекунов совете и получить под них определенную сумму. Структура поэмы многообразна и сложна, ее художественная картина представлена главным образом «голосами» – наряду с повествователем, основным персонажем Чичиковым это множество других лиц разных сословий, характеров, которые «оживают» на страницах поэмы. В результате получилось достаточно увлекательное повествование, в котором существенное место занимают рассказы о встречах Чичикова с владельцами поместий, событиях деревенской жизни, описания сцен, портреты, беседы и т.д. При всем различии масштабов явлений – всемирно известного произведения русской литературы, на котором выросло не одно поколение интеллигенции, и повести, написанной делавшим всего лишь первые шаги в литературе человеком, – нельзя не заметить, что для повести «Кровь за кровь» также характерны критическая направленность в отношении современной действительности, наличие множества персонажей, точек зрения, диалогов, пространственных перемещений персонажей и т.д.

Одно из величайших достижений Н.В. Гоголя – это его удивительно сочный, необычный по выразительности и раскованности язык, несколько манерный, со множеством причастных оборотов, напоминающий восточный по цветастости стиль изложения, за которым заметен остранный или внешний взгляд. Вспомним первоначальный портрет Чичикова из нескольких штрихов: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод» [1].

Думается, что начало повести «Кровь за кровь» навеяно этой гоголевской стихией речи:

«Риидал цо къяль годикIанир гIодоркIун кIиго векъарухъан*, аскIов щивниги чиги гъеIого, чIалгIун рукIарал чагIи, гъудуб бицун, гъаб бицун, гIадада замана инабулел рукIана. ГIемерал батIи-батIиял харбалги рицун, чIалгIун, цоцазда рицун рихъа-тарал жалги лъугIун, росдал магIишаталъул рахъаль накъит гъабизе лъугъана» [2].

Одним из летних дней в годекане сидели два крестьянина, которые скучали от того, что рядом не было никого и зря убивали время, говоря о том, о сем. Рассказав много различных новостей, наскучив это дело, исчерпав истории, что могли бы рассказать друг другу, начали беседу о сельском хозяйстве**.

В «Мертвых душах» Н.В. Гоголя представлены разные слои общества, разные типы персонажей, которые сами пытаются «объяснить» себя Чичикову. У Динмагомаева всего этого не могло быть, но подход, когда одни персонажи через диалог пытаются рассказать о других или о себе, возможно, также заимствован из гоголевского шедевра.

Однако куда более осязаема связь другого произведения Р. Динмагомаева – повести «Отступник» – с «Тарасом Бульбой» Н.В. Гоголя.

Повесть «Отступник» была обнаружена исследователем аварской литературы М.-Р. Усаховым и опубликована в 1967 г. в альманахе «Дружба», издаваемым Союзом писателей Дагестана на аварском языке [3], а в 1970 г. она была издана Даггосиздатом и на русском языке [4]. Общим публикациям предпосланы предисловия публикатора М.-Р. Усахова, в которых кратко описывается жизненный и творческий путь Р. Динмагомаева, отмечаются художественные особенности повести, говорится «о повышении мастерства писателя», произведение оценивается как «самое совершенное из произведений писателя» [3]. Об обстоятельствах обнаружения рукописи ничего не говорится, указано только, что она «неожиданно нашлась недавно в архиве писателя» [3]. Описание рукописи ограничивается замечанием, что в ней отсутствуют две страницы, правда, без конкретизации, какие именно, в то же время говорится, что данное обстоятельство не представляет трудности в понимании произведения.

В то же время без внимания оставлены вопросы, которые, казалось бы, не могли быть обойдены. К примеру, нельзя не заметить, что тексты на аварском и на русском языках достаточно сильно отличаются друг от друга, притом речь идет о целых главах. Так, аварский «вариант» начинается со сцены в доме отца главного персонажа произведения Гусейна, в которой тот, пригласив милиционера, отдает ему ружье и заявляет, что убил человека и готов нести за это наказание. Однако в тексте, опубликованном на русском языке, этой главы нет, что не может не сказаться на художественных особенностях произведения. Однако и публикатор, и издатели на это не обращают внимания, тем самым утверждая, что тексты не отличаются друг от друга. Правда, в предисловии к публикации на аварском языке говорится, что при подготовке повести к печати в текст произведения пришлось внести некоторые изменения, поскольку он не был должным образом отредактирован. Вместе с тем не указыва-

* Поскольку в аварском языке не было аналога слову «крестьянин» в русском языке, в годы советской власти слово «векъарухъан», означающее «пахарь», стали использовать и во втором значении.

** Здесь и далее подстрочные переводы с аварского языка выполнены автором.

ется, на каком именно языке создан оригинал произведения, на какой язык и кем осуществлен перевод и т.д. Между тем последний вопрос не праздный, поскольку некоторые дагестанские писатели, в том числе и аварские, предпочитали создавать произведения на других языках – на арабском, кумыкском, на русском. Есть свидетельства о том, что к концу 1930-х гг. попытку писать на русском языке предпринял и Р. Динмагомаев. Так, повесть «Клятва», по всей видимости, написана им на русском языке, поскольку опубликована на русском языке без указания, что текст является переводом и без указания фамилии переводчика [5].

Попытки писателей и поэтов создавать произведения на неродном языке воспринимались неоднозначно, особенно в среде интеллигенции, о чем свидетельствуют воспоминания известного лингвиста Ш. Микаилова об одной из встреч представителей писательской интеллигенции, состоящей в доме поэта Гамзата Цадасы. По словам ученого, между ним и философом Х. Фаталиевым, писателями М. Хуршиловым и Р. Динмагомаевым возник спор по поводу того, на каком языке писателю предпочтительнее писать, имея в виду альтернативу – родной язык или русский. «Спор возник в связи с тем, что некоторые писатели-дагестанцы (Э. Капиев, М. Хуршилов) писали на русском языке; по их примеру на русский язык перешел и Динмагомаев. Помню, как сейчас, каждый отчаянно пытался доказать свое. А Гамзат все сидел молча и внимательно слушал, всматриваясь в лицо каждого говорящего. Когда все, выбившись из сил, останавливались, ничего друг другу не доказав, Гамзат спокойно произнес:

– Писатель должен писать на том языке, который он знает лучше других, который он знает хорошо» [6], – пишет Ш. Микаилов.

В годы Великой Отечественной войны, когда тема защиты родины и патриотизма обрела значительную актуальность, писатель обратился к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Его покорила сила духа и богатырская мощь главного героя повести, для которого смысл жизни заключен в защите Родины. У Тараса Бульбы рука не дрогнула, когда он выстрелом из ружья убивает своего младшего сына Андрия, ради любви к прекрасной полячке перешедшего на сторону врага; старший – Остап – был схвачен и казнен поляками. Сам старик принимает смерть с таким же героизмом, с каким он воюет: попав в руки врага, Тарас Бульба был живо сожжен на костре.

Повесть Р. Динмагомаева рассказывает об ином времени, о других исторических реалиях. Тем не менее, в своей повести автор сохраняет гоголевский расклад персонажей: в семье колхозного активиста и патриота Гусейна двое сыновей, один из которых с оружием в руках воюет против фашистских захватчиков на фронте, а другой ждет призыва на воинскую службу. Алибег в повести не изображается, о его делах рассказывает благодарственное письмо командования части на имя родителей. Письмо становится радостью и гордостью для всего аула, по его поводу созывается митинг. Собравшись в колхозном дворе, односельчане поздравляют родителей героя, выражают ему свою поддержку, ставят Алибега в пример для молодежи аула и т.д.

Начинается повесть с рассказа о главе семьи Гусейне, которого можно назвать человеком, воплощающим в себе чувство воинственности и патриотизма. Он убежден, что есть вещи, которые дороже самой жизни. «ГъалбацІлгъун рагъда хвей лъикІ, гІанкІлгъун вахчун, чІаго хутІиялдаса. Биччанте гъеб нилгъер лгІималазда кІочонгуртІизе. БахІарчи къалда хола...ВатІан цІуниялдаса кІудияб хІурматияб иш бихъинчиясе щибго гъечІо...». «Лучше умереть в бою как лев, чем остаться в живых, спрятавшись зайцем. Пусть наши дети не забудут этого. Герой умирает в бою... Нет выше, почетней обязанности для мужчины, чем защита Родины» [3, с. 23], – считает Гусейн. Старик гордится, что старший сын стал настоящим воином, и мечтает, что и младший станет таким же защитником страны. По аналогии мы могли бы вспомнить, как Тарас Бульба не мог налюбоваться на сыновей, вернувшихся домой, а затем, вместо приветствия после долгой отлучки, отец со старшим сыном начали «новое знакомство» с «насаживания друг другу тумачков...» [7]. Мысли и чувства Гусейна, порождаемые младшим сыном, также созвучны мыслям и чувствам гоголевского героя: «ХІусен васасул гъайбатлгІиялдаса чІухІун вукІана. Гъесда кколеб букІана гъосул черхалдасан бакъ баккулеб бугин» [3, с. 23]. «Гусейн был горд от того, что у него такой прекрасный сын. Ему казалось, что его тело, будто солнце, излучает свет».

Как известно, в повести Н.В. Гоголя рассказывается о событиях достаточно далекого исторического прошлого – Украины XV в. Тарас Бульба – потомственный воин, казак, полковник, чем и мотивируются его образ мышления, черты характера, многие привычки. Главным университетом для молодых казаков Бульба считал Запорожскую Сечь, где часто случались стычки с польскими и турецкими отрядами. Отец убежден, что молодые люди лучше всего могут постичь воинскую доблесть именно там.

На все, что не имеет отношения к воинскому делу, к защите Родины, Тарас Бульба смотрит с презрением, другие занятия он считает недостойными мужчины, и потому решительно им отвергаются. Так, уже на вечеринке, организованной по поводу возвращения сыновей до-

мой после завершения ими бурсы, он представляет сыновей, а затем тут же принимает решение на следующее утро отправиться в Запорожскую Сечь:

«– Добре, сынку! Ей богу добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! Ей богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтобы я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! – И старый Бульба мало-помалу горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. – Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки? – Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки» [7, с. 32].

Повесть Н.В. Гоголя посвящена не только героическим событиям далекого прошлого, но и героизации прошлого, а образ главы семьи имеет ярко выраженный героико-исторический и романтический характер, что находит отражение в описании «казацкой вольницы» или «казацкой республики» в Запорожской Сечи, романтизированном описании образа жизни казаков «героического» времени, раскрытии «жизненной философии» персонажей и т.д.

Вместе с тем в ситуации 40-х гг. XX в., а именно в условиях Великой Отечественной войны, признанной одной из самых жестоких и кровавых войн в мировой истории, трудно согласиться с таким восприятием войны. Большинство советских граждан понимало, что защита Родины – святая обязанность, притом, как мы знаем, среди защитников Родины немало было и женщин. Однако делалось это не в поисках удали или утверждения идеалов рыцарства, а в силу осознания необходимости защиты страны от врага. Народ знает, что такое война, и потому трудно представить человека, который бы радовался тому, что его самого или близкого ему человека отправляют на фронт. В то же время радость, которую будто бы испытывают люди (Гусейн, другие односельчане) от того, что Магомеда призывают на воинскую службу, все же представляется малоубедительной: «Киназго чІагІа гьекъана, киназго рохел гьабуна» [3, с. 23]. «Все пили бузу, все радовались», – говорится об этом в повести. Мысли, приходящие на ум Гусейну, когда он любит своим младшим сыном, напоминают скорее любование физическим совершенством тела атлета перед предстоящими спортивными состязаниями, нежели чувства отца молодого человека, которому пришла пора отправиться на фронт в тяжелейшие дни войны, когда молодые люди погибли тысячами: «Гьадинал бахІарзал кьезаризе бигьа букІинаро тушманасе», – ян чІухІун пикру гьабуна» [3, с. 23]. «Врагу будет не просто победить таких героев», – с гордостью подумал про себя». Заметим, что почти теми же словами выражается и Тарас Бульба, говоря о младшем из сыновей: «– И это добрый – враг бы не взял его! – вояка!» [7, с. 65].

Однако воинственность и некоторые другие качества Гусейна никак не мотивируются, их, видимо, следует воспринимать как «врожденные». К тому же в этом образе сочетаются столь различные свойства, что трудно говорить об их совместимости в одном человеке. Так, воплощая в себе, казалось бы, идею воинственности, он одновременно является деятельным колхозником, выступающим с различными инициативами, «гречкосеем», по выражению Тараса Бульбы. Можно допустить, что Гусейн – человек другой эпохи, других культурно-исторических традиций, да и личность другого склада; тем не менее, непонятно, почему он, ратуя за добросовестное отношение к делу, ответственность человека за происходящее вокруг, не замечает, что собственный сын, который живет вместе с ним, занимается распространением водки, пьянствует и т.д.? Более того, и о производственных проблемах колхоза, состоянии дел в отраслях хозяйства Гусейн знает, кажется все, за исключением дел в той отрасли, где в качестве чабана трудится собственный сын. Таким образом, получается, что отец и сын живут вроде бы и рядом и в то же время как бы в параллельных мирах. Единственной точкой их соприкосновения на всем «пространстве» повести становится замечание, сделанное отцом в день отправки сына на воинскую службу: заметив, что чуха (верхняя одежда) Магомеда несколько помята, Гусейн делает замечание сыну: «– БахІарчиясул ретІелги, жибго ракІ гІадин, сукІи гьечІого роцІун, берцинго букІине ккола, – ян абуна» [3, с. 15]. «– У героя и одежда, как и сердце, должна быть без вмятин, подтянутой, красивой, – сказал он».

Вместе с тем повесть «Отступник» представляет интерес в художественном плане: автор стремится, с одной стороны, показать трагедию молодого человека, не сумевшего приспособиться к условиям военного времени, не успевшего найти себя в жизни, а с другой – показать ту реальность, которая требовала от человека живучести не только в физическом плане, но и в плане умения приспособливаться. При этом психологический рисунок образа отличается яркостью и способен дать представление о трагедии поколения, получившего название «расстрелянного» – молодых людей 1923 года рождения, которым в 1941 г. исполнилось 18 лет, и потому они были призваны на воинскую службу в первые же месяцы войны, и лишь немногие из них остались в живых. Судьба же главного персонажа даже на этом фоне смотрится особенно трагично: он погибает, даже не успев стать защитником Родины, т.е. бес-

смысленно и бесславно. Между тем Магомед не какой-то злодей с врожденными преступными наклонностями, напротив, это молодой человек ищущий, открытый и откровенный; его беда, как представляется, в психологической ломке, как правило, связанной с возрастными проблемами. К примеру, на митинге, организованном по поводу получения благодарственного письма от командования Алибега, Магомед относится к происходящему достаточно скептически. Его вполне можно понять и по той причине, что взрослые, зрелые люди произносят такие речи, которые не могут не удивлять то ли наивностью, то ли глупостью. Так, односельчанин по имени Шапи предлагает отправить на фронт саблю, подаренную имамом Шамилем его отцу, с тем, чтобы на ней выгравировали имя Алибега, будто там художественная мастерская.

У матери большое беспокойство вызывает дружба сына с Гамзатом, сыном кулака, поскольку его отец Исалав принес много неприятностей их семье, в особенности главе семьи Гусейну, и потому она пытается отговорить Магомеда от этой дружбы. Однако сын не слушает ее, поскольку не желает принять за истину чужой жизненный опыт, к тому же дружба с Гамзатом приносит ему определенную выгоду. Словом, образ Магомеда представляет собой достаточно сложное и многоплановое явление, в котором нашли отражение реалии современной горской действительности, и заслуживает отдельного разговора. Возвращаясь же к теме созвучий «Отступника» и «Тараса Бульбы», то это мотив убийства сына отцом за его предательство. Думается, что Р. Динмагомаев вначале был намерен «сделать» Гусейна убийцей сына-отступника, о чем свидетельствует сцена, в которой он, пригласив к себе милиционера, признается в убийстве и отдает ружье. Однако на деле Магомед убивает его невеста Мадихат. Убийство отцом сына, ставшего предателем, выглядит эффектно и ярко, тем более, коллизия, когда по требованию односельчан отец убивает сына, хорошо известна в аварском фольклоре – по балладе «Камалил Башир» [8], по фольклору других народов Дагестана. Однако это звучало бы некорректным использованием чужого произведения. Гибель предателя от руки своей невесты несет определенный элемент случайности, но, тем не менее, свидетельствует о воле и преданности Родине молодой горянки. Для нас же важно, что в начале становления аварской художественной прозы значимую роль сыграли произведения великого русско-украинского писателя Н.В. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1985. С. 6.
2. Раджаб Дин-Магомаев. Кровь за кровь. // Аварская проза 20–30-х гг.: сб. / сост. А.М. Муртаза-лиев, М.Х. Гаджихмедова. Махачкала, 2005. С. 113.
3. Дин-Магомаев Р. Отступник // Дружба. 1967. № 2. С. 15–35. (На авар. яз.).
4. Дин-Магомаев Р. Отступник. Махачкала: Даггосиздат, 1970. 48 с.
5. Дин-Магомаев Р. Клятва. Махачкала, 1942. 48 с.
6. Шихабутдин Микайлов. Он жил среди нас // Гамзат Цадаса в народной памяти / сост., коммент. и прим. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2008. С. 236.
7. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1984. С. 29, 32, 65.
8. Камалил Башир // Героические песни и баллады аварцев: тексты, пер., коммент. / сост. А.А. Ах-лаков. Махачкала, 2003. С. 285–291.

Поступила в редакцию 15.07.2014 г.
Принята к печати 24.12.2014 г.